

УДК 821.161.1-994.09

ТАТЬЯНА ВОРОВА

г. Днепро

kryptos11@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ГЕРОЕВ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

Исследуется система действующих лиц повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» с фокусированием основного внимания на парных персонажах; изучаются некоторые характерные черты литературных героев и специфика задействованных ими поведенческих моделей, выявленных в процессе анализа гоголевской повести. Прослеживаются сюжетно-фабульные соответствия в произведении Н. В. Гоголя и пяти сказках А. С. Пушкина; в связи с этим определяются скрытые причины, влияющие на выбор формы поведения персонажей, доминирующая мотивация их поступков, прямые параллели в системах действующих лиц и стандартном подборе решений в проблемных психологических ситуациях.

Ключевые слова: своеобразие системы персонажей, модель поведения, мотивация деятельности, типичность характеристик героев.

С повести «Сорочинская ярмарка» начинается цикл произведений, входящих в литературный дебют Н. В. Гоголя – «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1832), сборника с ярко выраженными чертами самобытной украинской культуры, органично вплетенными в затейливый узор художественной повествовательной ткани.

К сборнику был проявлен интерес многими литературоведами (Ю. М. Лотман [5], Ю. В. Манн [6], В. Ш. Кривонос [4], М. Я. Вайскопф [1], И. И. Гарин [2] и др.), отмечавшими под юмористичностью пестрого слога и занимательностью захватывающего сюжета гоголевских «Вечеров» отчетливо распознаваемые ростки литературного гения и художественного мастера, с полной силой проявившего себя в последующих произведениях; но при этом повесть «Сорочинская ярмарка» оставалась на периферии исследовательского внимания. Настоящее исследование представляет собой попытку презентации иного взгляда на некоторые сюжетные особенности и своеобразие поведенческих моделей литературных героев повести «Сорочинская ярмарка»; задачей данной работы является проведение анализа взаимоотношений, в первую очередь, парных персонажей с их сопоставлением с поведенческими моделями главных героев пяти сказок А. С. Пушкина.

В произведении задействованы следующие основные персонажи: супружеская пара Солопий Черевик / Хивря, дочь Солопия Параска и влюбленный в нее парубок Грицько, кум Цыбуля, попович Афанасий Иванович, высокий цыган, безмянные покупатели и продавцы на ярмарке; действие происходит в 1800-х годах в селении Сорочинцы на реке Псел. Невероятная комбинаторика разномастных действующих лиц и их характеристик начинается с введения двух центральных женских персонажей – Параски и ее мачехи Хиври с описанием подспудно присутствующего соперничества между ними. Естественное внимание местных парубков к 18-летней красавице является причиной недоброжелательности пожилой дородной щеголихи Хиври к молоденькой падчерице и ее неожиданным поклонникам: у Хиври отсутствует комплекс неполноценности по отношению к собственной внешности, однако она остро реагирует на проявление восхищения мужчин к привлекательности очаровательной молодости вследствие укорененной женской ревности, которое было бы маловероятно со стороны матери по отношению к дочери, но является реальным фактом во взаимоотношениях мачехи и падчерицы. Такая же модель, базирующаяся на схеме «недобрая мачеха / покладистая приемная дочь», задействована и в «Сказке о мертвой царевне» А. С. Пушки-

на, в которой злая царица II ненавидит молодую царевну всего лишь по причине ее внешней красоты. С данным тандемом неразрывно связана безликая фигура царя-отца, который после смерти первой жены самоустранился от воспитания дочери, передоверяя неизбежные обязанности и хлопоты второй супруге (иначе невозможно подобрать объяснение тому факту, что царская дочь надолго пропадает из дома, а отец вопреки чувству родительского долга / ответственности не организует должным образом ее поиски). В гоголевской повести функции безответственного отца возложены на неповоротливого увальня Солопия; подобно пушкинскому царю, он охотно дает Грицьку отцовское согласие на брак дочери, но ничего не делает для противодействия козням жены, решительно настроенной разрушить счастье падчерицы.

Модель взаимоотношений пары Параска / Грицько основана на страстной любви героев с первого взгляда. С самого начала очаровательное личико девушки привлекает к себе восхищенные взгляды многих юношей, но только Грицько становится тем единственным парубком, который моментально и безоглядно влюбляется и бесповоротно и решительно прокладывает путь к собственному семейному счастью через неожиданно возникающие препятствия (к слову, созданные самим же героем: подобно царю Дадону из пушкинской «Сказки о петушке», который смело, но бездумно наносит обиды и впоследствии пожинает их горькие плоды; далекий от дипломатического этикета Грицько оскорбляет пожилую Хиврю, не ведая при этом, насколько драматично это отразится на его личном счастье, т. к. для героя оказывается полной неожиданностью, что не тугодум Черевик, а именно Хивря играет роль главы семьи с соответствующими функциями принятия кардинальных / судьбоносных решений, в чем вскоре приходится убедиться влюбленному парубку). Но барьеры в достижении желанной цели только раззадоривают отважного героя, а любовь настолько кружит голову и горячит юношескую кровь, что он по-царски (как и Дадон) готов отдать все свое состояние (в данной ситуации – отличных волов, предназначенных для продажи на ярмарке) за поцелуй красавицы. Почувствовав мощное сопротив-

ление разгневанной Хиври по отношению к своим свадебным планам, Грицько организует настоящую военную кампанию по целенаправленной нейтрализации женского противника и взятию одного из членов семьи (Солопия) в заложники, приравняв цену его освобождения согласию на свадьбу дочери, и попутно с этим насмерть перепугав местных жителей дерзкой молодецкой вылазкой, разрушившей беспробудный сон мирно текущей жизни поселян. Несомненно, действия влюбленного Грицька соответствуют поведенческой модели из пушкинской «Сказки о петушке», в которой герои-мужчины (жрец, Дадон и его сыновья) также с первого взгляда влюбляются в несравненную красавицу (Шамаханскую царицу), лестное внимание которой стоит жизни двум армиям во главе с предводителями, а тревога, испуг и страх, испытанные простыми жителями (подобно Сорочинцам из гоголевской повести), упоминаются мимоходом, как нечто несущественное.

Прием, аналогичный пушкинскому, заимствован и Н. В. Гоголем, который, правда, с веселым юмором описывает невообразимый переполох всех присутствующих на ярмарке в связи с проявлениями в реальной жизни легенды из мистического фольклора о красной свитке и черте. Степень и накал ужаса таковы, что многие были на грани помешательства, что хорошо иллюстрируется бесконтрольными действиями Солопия и Хиври: дюжего мужчину обнаружили с обломками горшка на голове, надетого вместо шапки во время паники, возникшей в доме кума Цыбули при появлении рожи предполагаемого черта в окне; рядом с Черевиком была обезумевшая от страха его супруга, находящаяся в бессознательном состоянии по причине того же ужаса (быстрее всех присутствующих на происходящее отреагировал кум Цыбуля: подобно маленьким детям, которые при возникновении опасности прячутся под материнским подолом, почитая мамину юбку несокрушимым оберегом против всех бед мира, кум в точном соответствии с детской наивной верой пытался обрести безопасность под юбкой жены). В результате хорошо спланированной кампании торжествующий победитель (т. е. Грицько) получает невесту в качестве военного трофея; при этом мистическая фигура пушкинского звездочета / жреца

узнается в образе высокого цыгана, в чьем облике ярко и броско воплощены мефистофельские черты представителя иного, чуждого поселения сообщества. Различие между гоголевскими героями Грицько / цыган и их аналогичными пушкинскими персонажами Дадон / мудрец коренится в финальном этапе свадебной эпопеи: отказав жрецу в оплате, Дадон в конечном счете лишается всего; Грицько, выполнивший свое обещание продать волов даже «по пятнадцать» вместо первоначально затребованной цены «по двадцать» в качестве награды за оказанные услуги, оказывается намного удачливее своего пушкинского собрата и счастливо женится на украинской Шамаханской царице.

Целью введения парных персонажей – супругов Солопия и Хиври – является дополнительная презентация еще двух поведенческих моделей, которые в целом просматриваются в следующих характерных чертах. Во-первых, в образе Солопия воплощен тот тип мужчины, воля которого находится в угнетенном состоянии под прессингом женского диктата, т. к. данный герой представляет тип мужа-подкаблучника, не смеющего думать о неповиновении жене. Вследствие этого он не в состоянии отстоять будущее счастье дочери, потому что не имеет сил противиться напору супруги. Солопий умеет действовать самостоятельно только в тех ситуациях, когда находится от жены на почтительном расстоянии (благословив молодоженов, он издали «хладнокровно» успокаивает внезапно появившуюся гневную супружницу: «Не бесись, не бесись, жинка! – говорил [...] Черевик, видя, что пара дюжих цыган овладела ее руками, – что сделано, то сделано; я переменять не люблю!» [3, 40]; на последнее восклицание колеблющийся и неуверенный в себе Черевик отважился потому, что вокруг Хиври народ «составил [...] непроницаемую танцующую стену» [3, 40]).

Та же поведенческая модель наблюдается во взаимоотношениях Салтана с Бабарихой / ткачихой / поварихой из пушкинской «Сказки о Салтане»: будучи близкими родственницами, эти женщины имели неограниченное влияние на царя, который, как дитя, шагу не мог ступить без их разрешения. Единственным смелым поступком данного персонажа была женитьба без благословения

со стороны матери Бабарихи, что в дальнейшем привело к печальному результату – молодую царицу с ребенком выжили из дома во время отсутствия главы семейства. Кстати, в гоголевской повести молодая невеста и ее суженый также женятся против воли старшей родственницы, всячески противодействующей реализации данного брака, и потому можно прогнозировать возможную дальнейшую эскалацию семейного конфликта. Во-вторых, взаимоотношения Солопий / Хиври иллюстрируют также поведенческую модель, в которой принята брань и даже рукоприкладство между супругами, что соотносится с соответствующей моделью поведения старика / старухи из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Текстуально засвидетельствовано, что Солопий безропотно сносил «мятежные речи» супруги, храня во всех ссорах «упорное молчание» и хладнокровие к «неутомимому языку» своей жены. Более того, он покорно принимает даже ее рукоприкладство, не смея дать ей отпор и тем самым защитить себя («уклоняясь от сильно наступавшей супруги», он «закрыв в одно мгновение голову свою руками, предполагая, без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями» [3, 24]). Отношение Солопия к супруге ярко выражено в его горькой жалобе к Богу: «Господи боже мой [...] И так много всякой дряни на свете, а ты еще и женок наплодил!» [3, 24]. Все это, несомненно, напоминает повседневную бранчивую неуживчивость пушкинских старика / старухи, общающихся на уровне ругательств («дурачина», «простофиля», «белены объелась» и т. д.), часто переходящих в рукоприкладство (старуха «по щеке ударила мужа») [7, 632].

Однако та же Хиври перевоплощается в совсем иную женщину в сцене тайной встречи с любовником – поповичем Афанасием Ивановичем; кардинально сменив имидж, она меняет и имя – вместо Хиври предстает почтительно-респектабельной Хавроньей Никифоровной, решительным образом меняющей стратегию и тактику поведения с интересующим ее мужчиной и проявляющей к нему ласку, приветливость, любезность и заботливость. Но даже грозная Хивря боится обвинения в супружеской измене при многочисленных свидетелях, перед которыми

было бы невозможно сокрыть свой «грех». Поэтому, когда муж с кумом и гостями внезапно является домой, она пугается и бледнеет: «Ну, Афанасий Иванович! Мы попались с вами» [3, 27]. Хотя, в отличие от попovichа, опасность придает героине дополнительную сообразительность и мужество: именно Хивря находит выход из щекотливой ситуации и прячет любовника у всех на виду, но вместе с тем скрытно, в малодоступном месте – на досках под потолком. Такая же модель поведения была характерна для пушкинской попадьи из «Сказки о попе и о работнике его Балде»: смело у всех на виду и без оглядки на реакцию мужа героиня заводит роман с Балдой, финалом которого становится рождение внебрачного ребенка (что текстуально подтверждается фактом обращения «попенка» к Балде, как к «тятя»).

С той же пушкинской «Сказкой о попе» соотносится и коллективный персонаж гоголевской повести в лице многочисленных покупателей и продавцов с разнообразным товаром на Сорочинской ярмарке, на описание которой приходится треть текстового объема (9 страниц из общих 28 страниц художественного повествования); весомость данного фонового коллективного образа настолько важна, что выносится писателем в заголовок повести, представляя тем самым важный авторский знак. Главной общей узнаваемой характеристикой гоголевского и пушкинского произведений является их место / время действия, соотносящееся с рынком и рыночными отношениями (Балда идет по базару, по ищет товар, в том числе и дешевую рабочую силу; на Сорочинской ярмарке, подобно ярмарке тщеславия, активно идет торг, покупается / продается все, в том числе и девичья красота, за которую щедро заплачено волами), а яркая фигура ловкого пронырливого

Балды явно соотносится с таким же хитрым трюкачом-цыганом, готовым выполнить любое задание под заказ и способным оказать любые услуги при условии гарантированной оплаты труда. В гоголевском произведении цыган действительно получает желаемое, выполнив задачу невероятной трудности, тогда как в пушкинской сказке поп расплачивается собственной жизнью, пытаясь обмануть Балду при оплате оговоренных услуг.

Таким образом, в повести «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя совмещены некоторые сюжетные схемы и поведенческие модели, аналогичные тем, что задействованы в пяти сказках А. С. Пушкина. Функции парных персонажей Параска / Грицько соответствуют функциям пары Шамаханская царица / царь Дадон, роли Хавроньи Никифоровны / попovichа совпадают с ролями попадьи / Балды, а семейные роли Солопия / Хиври – с семейными ролями Салтана / Бабарихи и старика / старухи, взаимоотношения падчерицы Параски / мачехи Хиври подобны моделям взаимоотношений молодой царевны / царицы II.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст / М. Я. Вайскопф; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2002. — 686 с.
2. Гарин И. И. Загадочный Гоголь / И. И. Гарин. — М.: ТЕРРА — Кн. клуб, 2002. — 639 с.
3. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н. В. Гоголь // Н. В. Гоголь. Собр. соч. : в 6 т. — М.: Худож. литер., 1959. — Т. 1 — 368 с.
4. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя / В. Ш. Кривонос. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 251 с.
5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — М.: Просвещение, 1988 — 352 с.
6. Манн Ю. В. Постигая Гоголя / Ю. В. Манн. — М.: Аспект-Пресс, 2005. — 206 с.
7. Пушкин А. С. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила : поэма / А. С. Пушкин. Собр. соч. : в 3 т. — М.: Худож. литер., 1985. — Т. 1. — 735 с.

TETIANA VOROVA
Dnipro

FEATURES OF BEHAVIORAL PATTERNS' REPRESENTATION OF THE CHARACTERS IN THE SHORT STORY «SOROCHINSKY FAIR» BY N. GOGOL

It is investigated the system of dramatic personae in the story «The Trade Fair at Sorochintsy» by N. V. Gogol, the main attention is focused on the paired personages; it is studied the definite typical features of literary heroes and the specificity of used behavioural patterns, revealed during the process of analysis of

the story of N. V. Gogol. It is monitored the correspondences of action / story lines in the bells letters of N. V. Gogol and the five fairy tales of A. S. Pushkin; on the grounds of which it is determined the hidden reasons affecting the choice of form of behaviour of personages, the prevailing motivation of their deeds, the direct parallels in the systems of dramatic personae and the standard selection of decisions in the problematic psychological situations.

Key words: peculiarity of system of personages, behavioural pattern, motivation of activity, typicalness of characteristics of heroes.

ТЕТЯНА ВОРОВА

м. Дніпро

ОСОБЛИВОСТІ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ ПОВЕДІНКОВИХ МОДЕЛЕЙ ГЕРОЇВ У ПОВІСТІ М. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСЬКИЙ ЯРМАРОК»

Досліджується система дійових осіб у повісті М. В. Гоголя «Сорочинський ярмарок» з фокусуванням основної уваги на парних персонажах; вивчаються деякі характерні риси літературних героїв і специфіка задіяних ними поведінкових моделей, виявлених у процесі аналізу повісті. Простежені сюжетно-фабульні відповідності у творі М. В. Гоголя і п'яти казках О. С. Пушкіна; у зв'язку з цим визначені приховані причини, що впливають на вибір форми поведінки персонажів, домінуюча мотивація їх учинків, прямі паралелі в системах дійових осіб і стандартному підборі рішень у проблемних психологічних ситуаціях.

Ключові слова: своєрідність системи персонажів, модель поведінки, мотивація діяльності, типовість характеристик героїв.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2016

УДК 821.161.2-1.09

АЛЬОНА ГОЛОВЧЕНКО

м. Дніпро

alena-golovchenko@mail.ua

АРХЕТИП РІКИ ЯК СКЛАДОВА НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ В ПОЕЗІЇ МИХАЙЛА ЧХАНА

У статті розглянуто своєрідність трансформації архетипного образу ріки в поезії М. Чхана, акцентується на зв'язку автора з козацтвом, розкривається функціонування архетипу ріки у втіленні національної пам'яті українського народу.

Ключові слова: поезія, архетип, образ, ріка, Дніпро, Михайло Чхан, пам'ять.

Михайло Чхан – дніпропетровський поет і прозаїк, який за своїм світовідчуттям, художньо-естетичними, морально-етичними принципами та часовою співвіднесеністю належить до когорти шістдесятників. Його твори позначені мотивами синівської любові до рідного краю, до України, до її історії. М. Чхан був палким шанувальником козаччини протягом усього свого життя. Дослідники творчості М. Чхана говорять про те, що цей інтерес обумовлений історичним ландшафтом його малої батьківщини – села Кам'янки, де протікає однойменна річка, що є правою при-

токою «грізного» Базавлука, кожен берег якого «битвами пропах», а неподалік – оспівані в легендах річки Жовта та Чортомлик. «Учені припускають, що саме незвичний ландшафт «виліпив» вдачу Чхана, заклав основи його характеру, вплинув на естетику та манеру письма митця, що полягає в особливій ритмомелодиці його віршів: розлогій, наспівній, як степове безмежжя, і, водночас, внутрішньо напруженій, як музика кам'яньських водоспадів. Саме на рівні оцих ритмів і відбуваються просторово-індивідуальні взаємини М. Чхана з його малою батьківщиною,